

О. С. Соина¹

ЧАРЫ МАРКСИЗМА

К сожалению, многие современные философы, в особенности — старшего поколения, до сих пор совершенно искренне полагают, что марксизм есть высшая форма философского знания, а диамат и истмат — перлы создания и венец творения, и посему не представляют себе действительности вне всем известных клише: «бытие определяет сознание», «соответствие производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил», «базис определяет надстройку» и т. п. При этом есть среди них и вполне «продвинутые», которые на старости лет крестились в православном храме, и их «марксистская парадигма» чудесным образом переплелась с якобы христианскими ценностями и представлениями.

В своем докладе мне хотелось бы рассмотреть несколько наиболее типичных стереотипов прежнего советского знания, к сожалению, не изжитых и поныне и так часто встречающихся в современных учебниках по философии, в статьях, монографиях и даже в кандидатских и докторских диссертациях.

Так, в среде профессиональных философов устоялось в принципе правильное утверждение о том, что философия есть мировоззрение. Однако вслед за этим

¹ Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Основы философии», «Стереотипы философского знания», «Экзистенциальная философия права Ф. М. Достоевского», «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» и др. Награждена дипломом и золотой медалью Ди Мерито (Diploma di Merito) Европейской научно-промышленной палаты.

утверждением чаще всего всплывает пресловутый *партийный принцип* в философии, делящий философов на материалистов и идеалистов, который, в свою очередь, упирается в одиозный основной вопрос философии, с одной стороны, разделяющий мыслителей на два больших идейно противостоящих направления, а с другой — смешивающий и обезличивающий философов и их воззрения на мир. До сих пор многие преподаватели философии ищут и «находят» борьбу материализма и идеализма в античной философии, все еще по-советски выделяя «линию Демокрита» и «линию Платона». Между тем сама идея атома в греческой философии появилась отнюдь не для того, чтобы как-то обосновать материализм, но для того, чтобы преодолеть «дурную бесконечность» материального мира, то есть бесконечную делимость пространства в апориях Зенона Элейского. А какая могла быть борьба между материализмом и идеализмом в средневековой философии, тотально религиозной? Тем не менее и здесь «пытливый ум» нашего брата ухищряется обнаружить материалистические тенденции в философии Оккама или же номиналистов в целом и т. д. и т. п. Словом, разделяя философов на сугубо идеологических по сути оснований на материалистов и идеалистов, мы не только искажаем существо философских учений прошлого и настоящего, но и отказываемся от труда их вдумчивого изучения, а значит, сами себя обрекаем на поверхностный, верхоглядский, вопиюще упрощенный подход к философии, делая ее для одних банальным и легкодоступным знанием, а для других — бессмысленной, схоластической игрой понятий.

С нашей точки зрения, более продуктивным и справедливым по отношению к изучаемым философам был бы не партийный принцип, но *персоналистический подход*. Если философия есть мировоззрение, то она является не чем иным, как личностным, в высшей степени субъективно окрашенным знанием, по сути дела, представляющим собой не что иное, как особое, теоретически обоснованное видение мира и отношение конкретного мыслителя к бытию, социуму и человеку, и в этом своем особом качестве глубоко и неповторимо интересно. И только тогда по-иному предстанет и *основной вопрос философии*. Поставленный в общей (вульгарно партийной) форме, он теряет свою эвристическую и герменевтическую значимость, в то время как основной вопрос философии того или иного конкретного мыслителя, он побуждает к подлинному, лично-стно выверенному восприятию его творений, и этот взаимный творческий диалог учителя и ученика безусловно будет способствовать возрождению новой интеллектуальной культуры.

Далее, как ни прискорбно это констатировать, многие наши коллеги до сих пор совершенно искренне убеждены, что идеализм — это плохо, ибо он «ненаучен», а вот материализм — это хорошо по определению, в силу того, что он якобы в высшей степени согласуется с достижениями научного знания. «Материализовав» все «до основания», советская философия, как это ни парадоксально, оставила нетронутыми глубинные пласты сознания русского человека, и духовный и гражданский идеализм, казалось бы, напрочь вытесненный из сферы мысли, мощно заявил о себе в созидательной практике, ибо надо было воевать, восстанавливаться, строить и жить дальше — а куда тут без идеализма?

Кстати сказать, одним из важнейших симптомов того, что в вузах до сих пор преподается не философия во всем многообразии ее исторических форм и типов, но в основном все тот же *диалектический материализм*, правда, стилизованный и оформленный под «веяние времени», является акцентированное использование в содержании курса философии понятий диалектики и диалектического метода познания, которым до сих пор совершенно начетнически придается некий вневременной и универсальный характер — вопреки самому принципу конкретности все той же диалектики.

Здесь стоит упомянуть, что *диалектический метод* как систематизированное знание универсального характера представил Г. В. Ф. Гегель, в силу чего сама диалектика Гегеля — это *философская теория и философская методология*, разработанная именно в контексте его *философской* системы, то есть развернутого теоретически отрефлексированного мировоззрения, принадлежащего именно этому великому немецкому философу. Поэтому диалектику Гегеля никоим образом нельзя отрывать от его философской системы и онтологизировать, то есть придавать ей статус объективных законов мироздания. Более того, если попытаться представлять диалектику не как теорию конкретного мыслителя, а как совокупность непрекаемых онтологических законов, то вообще отпадает всякая потребность

творческого исследования социальных или гуманитарных проблем. Между тем пресловутые три закона диалектики, хорошо известные всем выпускникам советских вузов (закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания), есть в чем-то трюизм или банальность типа констатации перехода дня в сумерки и затем в ночь, зимы в лето и т. п., а где-то есть просто вульгаризированная схема, совершенно не совпадающая со сложными реалиями природной, социальной, технической действительности.

Однако нам бы не хотелось, чтобы нас воспринимали как гонителей диалектики и диалектически мыслящих людей. Мы далеки от мысли отрицать диалектику вообще, тем более запрещать ее преподавание в качестве одной из фундаментальных тем философского курса.

Другое дело, что для того, чтобы осмысливать существо диалектического способа мышления, надо наконец прекратить онтологизировать диалектику того или иного философа, и тем более забивать этой онтологизацией сознание студентов. Своя диалектика была у Сократа, Платона, Николая Кузанского, Маркса, В. С. Соловьева, Б. П. Вышеславцева, о. П. Флоренского, А. Ф. Лосева и многих других весьма значительных мыслителей. Это значит, что в каждом конкретном случае можно успешно применять тот или иной вариант диалектики. Неужели не настанет время, когда предельно универсализированные и в силу этого безжизненные и ритуализированные интеллектуальные схемы не изживут себя окончательно и не сменятся качественно другой мыслительной парадигмой?

Мир очень изменился со времен К. Маркса, а если учесть тот факт, что его учение, несмотря на несомненные достоинства в плане понимания сущности и критики капитализма, содержало в себе множество роковых ошибок и утопического прожектерства, то сейчас тем более безрассудно оперировать марксистскими категориями как незыблемыми и почти вечными истинами. Собственно, дело не в Марксе, а в нас, трактующих его наследие крайне превратно, подпавших под обаяние его личности и мощи интеллекта. Клишированными «марксистскими» формулами мы просто прикрываем свою интеллектуальную беспомощность, лень и отсутствие творческого дерзновения в постижении современного раздираемого противоречиями и конфликтами мира, который должен быть осмыслен в совершенно иных категориях и понятиях.

Тем более нам, живущим в России, стоило бы обратиться к отечественному философскому наследию, вместо того чтобы искать ответы на свои вопросы в учениях, созданных в позапрошлом веке и на чужой почве.

Что же составляет основную духовную и интеллектуальную интенцию русской философской мысли, и насколько она может быть востребована сегодня в качестве концептуальной и мировоззренческой альтернативы современному, упрямо насаждаемому в вузах гибриду советской и псевдолиберальной теоретической парадигмы, грубо «материализующей» сознание и волю студентов и, по сути, воспроизводящей из них

очередных Иванов, родства не помнящих? Ф. А. Степун так ответил на этот вопрос: «Сравнительно позднее окрепшая на Западе в борьбе с идеалистической метафизикой экзистенциальная философия была в России искони единственной формой серьезного философствования. Если отвлечься от некоторых, в общем малооригинальных явлений университетского философствования, то можно будет сказать, что для русского мыслителя, как и русского человека вообще, философствовать всегда значило по правде и справедливости устраивать жизнь, нудиться Царством Небесным, что и придавало всем философским прениям тот серьезный, существенный и духовно напряженный характер, которого мне часто не хватало в умственной жизни Западной Европы»¹. Если исходить из того, что магистральным духовно-теоретическим устремлением русских философов была идея спасения и преображения человечества, понимаемая в предельно широком контексте — от спасения личности в ее земном и последующем бытии до преображения и спасения человеческой цивилизации в целом (что, согласитесь, звучит необычайно актуально в настоящее время, когда она столкнулась со множеством тяжелейших глобальных проблем, угрожающих самому ее существованию), породившая и особый, неповторимо своеобразный тип философствования, и оригинальность тематической избирательности, и широкую, поразительно богатую панораму национально-творческой мысли, где решительно всему есть «время и место» — будь то задачи

государственного строительства, поиск национальной идеи, взаимоотношения с европейским Западом и, наконец, проблемы любви и брака, взаимоотношения полов и воссоздания христианской семьи в эпоху претерпевающего апостасию человечества, — то почему она не может быть положена в основание осмысления новых реалий, в которых оказалась человеческая цивилизация, и внутреннего преображения человека, преодолевающего соблазны потребительского общества, разрушающего «родовую сущность человека»?

В сегодняшней ситуации апелляция к учению Маркса кажется совершенно непродуктивной, ибо нет и не предвидится передовых классов, способных возглавить движение за справедливое устройство жизни на Земле. К тому же основное противоречие эпохи разворачивается сейчас не столько на социальном фронте, сколько в духовном мире каждого человека: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»².

А парадокс современного философствования в стенах вузовской аудитории заключается в том, что *по сути преподаватели философии отвечают на вопросы, которые студенты им не задавали! И задать не могут*, ибо они жили и росли в другую эпоху, в горькое и трудное время, и если задумывались о чем-то, так о реальном и насущном, а не забивали себе голову очередными фантомами. Так стоит ли вновь подчинять их сознание и волю утратившим смысл мыслительным схемам или новейшим теоретическим гибридам?

¹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М. ; СПб., 1995. С. 205.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 100.